

УДК 177.8

А.В. Миронов, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский национальный технический университет

Ул. Университетская, 33, Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА В ФИЛОСОФИИ Э. ФРОММА

Рассматривается проблема одиночества личности в современном мире в социальном и индивидуальном аспектах, которая широко проявилась в XX веке и нашла отражение в трудах философа и психолога Э. Фромма.

Одиночество – болезнь современного общества, она так же естественна, как эпидемия гриппа, охватывающая целые континенты. Историческое развитие мировой цивилизации создало предпосылки для ее утверждения в качестве составляющей состояния человека индустриального и постиндустриального сообщества. Блага, которые индивид получает, виртуально обмениваются на те проблемы, которые его терзают, волнуют, создают негативное ощущение жизни. Человек желает почувствовать свою уникальность, нужность другим, неповторимость, но окружающий мир готов принять не его самого, а востребованные качества: трудоспособность, усидчивость, мускульную энергию, предприимчивость, скорость реакций, навыки мышления, информационную базу. Подобное потребительство порождает у человека трудности личного характера: неуверенность, пустоту, депрессию, агрессивность, склонность к порокам и аномальным действиям. Сразу возникает ряд вопросов: можно ли считать данную проблему локальной, в чем кардинальная причина данного явления, каковы способы ее разрешения, существует ли эффективная методика противостояния расширению последствий одиночества.

В XX веке известные европейские мыслители – Х. Ортега-и-Гассет, А. Камю, М. де Унамуно продолжили традицию, начатую С. Киркегором, Фр. Ницше, А. Шопенгауэром. В их творчестве человек выступил как существо, несущее свою экзистенцию, тяготящееся этим грузом, склоняющееся под тяжестью тревог, вины, оторванности от мира. Эрих Фромм во второй половине XX века проанализировал проблематику одиночества в контексте материального прогресса, тоталитарных режимов, рыночных отношений, бремени свободы. Соединение методов психоанализа, гуманистической психологии, социологических данных, сравнительного религиоведения позволяет увидеть тему в ее многогранности, личностном антураже, социальном значении. Его трактовка человека и условий его существования пессимистична: «Мы представляем собой общество заведомо несчастных людей, которые радуются, если им удалось как-то убить время, которое они так усиленно стремятся сэкономить» [1, с. 13]. Искренность, неподдельность кроются за озвученными проблемами, желание помочь человеку, а мир предупредить об угрозе.

Европейская цивилизация берет свое начало в древней Греции. Философские школы античности с V века до н.э. исследуют вопрос о сущности человека, его основных характеристиках, взаимосвязи с обществом и государством. Коллективное существование, патриотизм, обязательное участие в делах полиса формируют представление об индивиде, как существе, нуждающемся в общении, взаимодействии с другими, способным к самопожертвованию. Интересы государства могут восприниматься гражданином полиса как свои личные. Угроза иноземного нашествия, опасность потерь самоидентификации, осознание причастности к культуре, противопоставление варварству позволяет Аристотелю вывести определение человека как политического животного (*zoon politikon*). Изолированность противоречит его сущности, общность носит характер естественный, природный. Развитие гражданских институтов предполагает жесткую схему прав и обязанностей, где общение – неотъемлемая составляющая, вовлеченность в круг общих забот не позволяет личности почувствовать одиночество. Совместное времяпровождение, причастность к той или иной социальной группе, служба в ополчении, военные походы создают ощущение неразрывности с этносом, государством. Доминирование одних, подчинение других воспринимаются через достижение общей насущной цели. Гражданское равенство еще не стало иллюзией, греки верят в приоритет этого начала над другим. Чувство значимости, уверенность, что от участия каждого что-то зависит позволяет высоко поддерживать планку самооценки.

Христианская культура выдвигает принцип соборности, общности в вере. Человек объединяется с Богом через церковь. Нет богатых, бедных, знатных или простолюдинов, вопрос национальности не имеет значения. В своей греховности, порочности, слабости человек ощущает невидимую поддержку, жизнь проходит под знаком единения. Самый жалкий, обиженный, оскорбленный не покинут Создателем. Религиозное начало, определяющее мировоззрение, пронизывает все сферы существования, поэтому ни время, ни пространство, ни иные преграды не способны разделить верующих. Даже после смерти не разрушается единство добродетельных, а грешники могут уповать на милосердие и любовь Божью. Человек создан по образу и подобию Бога, никакие различия – материальные, социальные, национальные

не способны помешать сопричастности друг другу в рамках церковного единства. Заповеди сострадания, помощи, прощения требуют внимания к другому, уважения в нем Божественной искры, проявления христианского милосердия. Структура средневекового общества (община, цех, гильдия) гарантируют в обмен на подчинение уставам взаимную поддержку. Общность профессиональных интересов, религиозных взглядов позволяет члену сообщества чувствовать себя под защитой, понимая принцип «один – за все и все – за одного» буквально. Это формирует переживание неотъемлемости от других. В ремесленной мастерской, в церкви, в поле главенствуют положения ясные и понятные большинству. Они придают человеку уверенность, что он не попадет к чуждым силам, так как выпав из системы, он становится добычей Дьявола. Сомнения, внутренние терзания, самокритика касаются выполнения предложенных правил. Постоянный контроль, касающийся и личной жизни, и досуга сводит к минимуму проявления индивидуальности. Желание быть как все унифицирует природу личности, не позволяет ей реализовываться в собственном ключе. Выбор как таковой отсутствует. Вместе с ним исчезает чувство отдельности, непохожести. Процесс восхождения от мирского к вечному заполняет всю личность, не оставляя ей ни грана души, воспринимающей себя отторгнутой от великого. Таким образом, более двадцати веков европейский человек существовал в системе, где сами обстоятельства ограждали его от одиночества, создавали ощущение цельности бытия, гармонии с миром и другими.

Новое время разрушает прежние основы жизнедеятельности. Промышленная революция, научные открытия, географические дают толчок развитию экономических и политических отношений, религиозной терпимости и свободомыслия. Меняются мировоззренческие установки: человек объявляется эгоистом по необходимости, он желает себе добра при любых обстоятельствах. Цель жизни – обеспечить возможность постоянного перехода от одних удовольствий к другим. Стремление к первенству, могуществу объясняет соперничество во всех сферах. Люди становятся потенциальными врагами («Человек человеку волк» – принцип моральной философии Т.Гоббса). Личный интерес, порождающий конфликты с другими, недоверие, честолюбие, алчность деформируют узы общности. Индивиды действуют как разобщенные атомы, на свой страх и риск. Субъективность моральных оценок (добро понимается как польза для себя, а зло – как препятствие к извлечению собственной выгоды) приводит к взаимному недоверию. Экономические отношения в качестве одной из самых важных ценностей предлагают считать инициативность человека, в то же время эта характеристика служит барьером между индивидами – если «другой» претендует на то же, что и «я», значит в его лице существует угроза моему благополучию. Скрытность, замкнутость становятся обязательным условием выстраивания отношений между себе подобными. Тяга к успеху, самореализации не позволяет увидеть в «другом» соратника, а только конкурента. Изоляция – средство защиты. Материальные блага призваны компенсировать чувство утраты и общности. «Сам за себя» – самый верный способ достичь социальных высот. Динамика происходящего не позволяет замыкаться на рефлексивных переживаниях. Эпоха первоначального накопления предоставляет возможности, которыми необходимо воспользоваться и закрепить за собой. Стремление человека к полноте политических и социальных свобод пропорционально утрате достоинств предыдущих веков. Обмен может оказаться не однозначным, не равным. Выбранный вектор истории, завлекая индивида, только со временем обнажит острые проблемы, с которыми человеку предстоит столкнуться. Ситуация родственна лабиринту с одним входом и бессмысленными ответвлениями. Пускаясь в путь, каждый должен надеяться на себя, на свои силы и способности, нести «обменный фонд» и уповать на удачу.

Первое известное произведение Э.Фромма «Бегство от свободы» было издано в 1941 г., когда угроза тоталитарных режимов была очень велика. Автор видит в отказе от свободы желание индивида примкнуть к системе, стать ее частью. Человек боится вынужденного одиночества, которое он ощутил. Он познал болезненное состояние разобщенности, которое пугает больше, чем последствия политических гонений. Стремление сохранить материальный уровень существования и обеспечить контакт с другими (пусть иллюзорный) создает проблему современного индустриального общества, так как структура производства нацелена на эффективный труд, в основе которого – индивидуалистическое мировоззрение. Тенденции к сектантству, тоталитарным режимам объясняются теми обещаниями участия, поддержки, внимания и солидарности, которые препятствуют ощущению глобального одиночества. «Свобода принесла человеку независимость и рациональность его существования, но в то же время изолировала его, пробудила в нем чувство бессилия и тревоги» [2, с. 8]. Бегство от свободы, бегство от мира с его безучастностью, холодным расчетом, предельным эгоизмом. «Больное общество содержит в себе бациллу одиночества, и справиться с этим недугом своими силами неспособно. Предоставленный самому себе индивид судорожно ищет выход из создавшегося положения. Он готов обменять право выбора на право быть с другими, раствориться в массе, утратить личностные качества, но вернуть себя в сообщество. Гражданин Германии, как бы ни был он чужд принципам нацизма, должен был выбирать между одиночеством и чувством единства с Германией, и большинство выбрало единство» [2, с. 177]. Пессимистические прогнозы рождались из общности ситуации в СССР, Италии, Испании и других европейских странах, где у власти утвердились тоталитарные режимы. Но Э.Фромм смог

преодолеть актуальное и увидеть подлинные причины стремления человека к тотальной подчиненности. Страх, сомнения, агрессия, пессимизм, склонность к самоубийству, алкогольная и наркотическая зависимость, авторитаризм – это вариации экзистенциального чувства одиночества, постигшего человека XX века. Эта тема становится центральной в его творчестве, раскрывая не только теоретическую аналитику, но и предлагая практические способы обрести общность с другими, правильно распорядиться потребностями, преодолеть аномальность существования.

Одиночество может рассматриваться в двояком плане. Во-первых, как социальная проблема, представляющая опасность благополучию жизнедеятельности общества. Нигилизм, агрессия, равнодушие, скептицизм провоцируют конфликт с государственной структурой, демонстрируют альтернативный образ жизни, утверждают потребительскую психологию, незаинтересованность в национальном процветании. Маргинальный путь развития воспринимается как наиболее адекватный во враждебном обществе. Алкоголизм, наркомания, тотальное насилие – реакция на равнодушие к индивиду со стороны окружающих. Во-вторых, одиночество является личной проблемой, инициирующей пессимизм, случаи суицида, болезни, душевное расстройство, тревогу, депрессии. Осознание своей не востребованности формирует вопросы: почему мир не принимает меня, что я такое сделал, что оказался в положении изгоя, что предпринять, чтобы разрешить ситуацию. Если ответы не будут найдены, то личность обращается к асоциальным действиям (мщение, деструктивная зависть к избранным) или эскапизму (самоизоляция, неучастие, автономность существования).

В западной психологии определение базовых человеческих потребностей считалось одной из самых важных задач, через них индивид получал необходимое для самореализации, душевного комфорта, социального благополучия. Они оформляли связанность с миром. Э. Фромм определяет пять основных: чувство безопасности, стандарты, общение, творчество, материальные возможности. Без их осуществления личность будет чувствовать себя неполноценной, неполной, обездоленной. А. Маслоу в числе фундаментальных называет солидарность. В. Франкл – поиск смысла через других. Современная цивилизация располагает возможностями помощи: медицинское обеспечение, наделение недорогим жильем, материальные компенсации, профессиональная профориентация, реабилитация в экстренных случаях (психопатология, инвалидность, тюремное заключение, порочная зависимость). Все они направлены на улучшение условий человеческого существования. Снимается пресс давления самых простых, естественных потребностей и вместе с этим перестает быть актуальной функция физического выживания, необходимость объединиться с другими в борьбе за насущное (что можно наблюдать в патриархальных сообществах, национальных общинах на чужбине, союзах по религиозным признакам). Атмосфера личности и благоприятствования служит компенсацией за утраченное единство. Атеизм и космополитизм становятся нормами жизни, девальвируют прежние устойчивые связи. «Религия и национализм, как любые обычаи, любые предрассудки – даже самые нелепые и унижительные – спасают человека, если связывают его с другими людьми от самого страшного – изоляции» [2, с. 26]. Оставшись один на один с собой, личность погружается в пучину одиночества, не декларируемого какой-либо одной структурой, а вызванного самим ходом жизни, истории западного общества. За блага следует платить самой высокой ценой.

Люди придумывают собственные традиции, пытаются включить в них других, на каком-то этапе это создает иллюзию стабильности, слаженности с миром. Но по мере формализации они утрачивают свое уникальное начало, которое гарантировало ощущение уникальности. Наступает период сомнения в личностной значимости, привлекательности, интеллектуальных возможностях, волевых принципах – варианты болезненной деструкции по отношению к себе. Переживание вытесняемости превосходит все остальные эмоции, рождает пессимизм и неверие, толкает к злобе, мстительности, апатии, воинствующему нигилизму. Рефлексия индивида пропорциональна интеллектуальной психологической насыщенности, уровню самосознания. Динамизм ассоциаций, примеров, соотношений формирует неустойчивый тип личности, вызывает чувство опасности, угрозы, передающейся окружающим. Инстинкт самосохранения диктует требования защиты. Барьеры отодвигают проблемного человека от себе подобных, оставляя ему искусственно созданную резервацию, отмеченную знаками обычаев, норм, социальных условностей. Как следствие, возникает сложность с получением работы, реализацией в коллективе, неформальном общении. Это очередное подтверждение невозможности слиться с миром. Сомнение, как традиция западной культуры, столь блестяще себя подтвердившее в XVII и XVIII веках расцветом естественных наук, способ рационализации окружающего, став частью мировоззрения, инициирует обособление, отчуждение. Заставляет задаваться постоянными вопросами о соответствии «я» – «другие». Ответы, как правило, не утешительны. Они понижают самооценку, тем самым, делая искреннее общение невозможным.

Страх перед миром пронизывает человека: утрата жизни, здоровья, собственности, работы, средств к существованию, социального статуса, уважения окружающих, свободы, значимости в собственных глазах определяют отношение к действительности. Сознательный изоляционизм, автономность существования видятся реальным прикрытием перед внешней угрозой. Чем меньше мое

«я» открыто обществу, тем меньше он может потерять, меньше его уязвимость. Сохраняя себя и собственное спокойствие, индивид переходит в сферу минимизированных связей, но наталкивается на иную трудность, может быть, большего масштаба и последствий. Оберегая свою плоскость бытия, человек становится не интересен другим, исключается из круга общения. Чувство обиды, оскорбленности, вызванное невниманием к его личности, обостряет конфликты с окружающими. «Если он (человек – А.М.) не принадлежит к какой-либо общности, если его жизнь не приобретает какого-то смысла и направленности, то он чувствует себя пылинкой, ощущение собственной ничтожности его подавляет» [2, с. 28]. Глобальные проблемы современности: изменение климата, угроза термоядерной катастрофы, международный терроризм вызвали новую волну сомнений в стабильности жизни. Невозможность помешать деструктивным процессам, остановить надвигающийся Апокалипсис заставляет человека в еще большей степени чувствовать собственное бессилие, предоставленность его игре случая. Неспособность справиться с проблемами отдаляет его от другого, он такой же, в нем не найти поддержки и опоры, он так же страдает и мучается неизбывными вопросами бытия, поэтому лучше остановиться на принципе: «Каждый за себя, а Бог против всех».

Подневольный труд не уничтожает одиночество, а концентрирует его. К. Маркс описал данный феномен еще в «Философско-экономических рукописях 1844 г.». Но динамика производства, усовершенствование технологий в XX веке превратили его в главных фактор постиндустриальной цивилизации. Конвейер, массовость, унифицированность сделали человека роботом, поставили заслон между ним и производимым им продуктом. Радость творчества, неудовлетворенность от работы отошли на второй план, поток заменил уникальность. Работник чувствует себя приложением, «деталью» огромного механизма. Принцип взаимозаменяемости, как гарантия эффективности системы, отказывает человеку в его исключительности. Предъявляемые критерии оказываются для него невыполнимыми, индивид отступает, загоняя себя «угол безнадежности». «Среди патогенных воздействий на человека со стороны технологического общества необходимо упомянуть невозможность побыть наедине с собой и исчезновение личностного человеческого общения» [3, с. 253]. Получая порядковый номер производителя, работник утрачивает неотличимость. Как и обратное – полная отдача производственному процессу, заполнение личного времени профессиональными заботами, сознательное слияние с интересами компании создает эфемерное ощущение собственной нужности, укрепляет самоуважение. Человек боится остаться один в буквальном смысле, антураж сослуживцев, коллег по работе рассеивает его страх перед вакуумом пространства за воротами фабрики, офиса, государственного учреждения.

Гнетущее одиночество требует выхода, индивид, не найдя применения в личной сфере, не удовлетворившись результатами деятельности, отвернувшись от социальных возможностей реализации, заявляет о себе деструктивными действиями. Это желание обратить внимание на свою личность, заставить мир говорить о себе, попасть на первые страницы газет и в новостные программы телевидения. Агрессия – это способ актуализации личностного начала. Выплески агрессии содержат негативное чувство к миру, как к враждебной среде, не давшей ощутить счастье, радость. «Другие» – враги, которые заставили страдать, не оценили, не впустили в свое пространство, не пришли на помощь, были заняты своими проблемами. Теперь они должны расплатиться, узнав об анонимной личности, обретающей биографию и значимость благодаря той опасности, которую они несут. Покушение на известных звезд шоу-бизнеса (Джон Леннон, Энди Уорхолл и др.), случаи вандализма по отношению к величайшим произведениям искусства были совершены одиночками, ничем не примечательными людьми, мечтавшими вырваться из замкнутого круга равнодушия. «Разрушить мир – это последняя, отчаянная попытка не дать этому миру разрушить меня» [2, с. 194]. Устраняется причина пессимизма, давящее чувство неполноценности, точка сравнения. Массовый нигилизм – ответная реакция на небрежность окружающих относительно моего «я». Его рост пропорционален индифферентности общества к отдельно взятому человеку.

Иной вариацией является эпатаж как поиск индивидуальности, противопоставление всеобщему. Вызывающий образ жизни, одежда, прически, аномальное поведение служат той же самой цели: заставить увидеть себя, воспринять как значимую личность. Эта проблема во многом касается молодого поколения. Взаимоотношения отцов и детей включают вопросы, вызывающие действия со стороны подростков (плохая учеба, игнорирование родителей, kleптомания, демонстративная самостоятельность). Подобными средствами они пытаются обратить на себя внимание взрослых. Если это не удастся, может наступить более агрессивная ступень отношений. Современный нигилизм в большинстве случаев не имеет политической мотивации, он носит характер протеста против основ цивилизации, воспринимающей человека как вещь или хорошо отлаженный автомат для производства конкретных операций. Общество способно поддерживать этот автомат в состоянии работоспособности, равновесия, необходимых сил, но не способно оценить личность, предоставить ей возможность объединиться с другими. Массовые молодежные выступления 60-х годов XX века пытались предоставить своим участникам новое мировоззрение, где человек отделялся от социальности, ему предлагалось искать союз с себе подобными, свободными от ложных установок постиндустриальной культуры общества

потребления. «Я не как все» – принцип, позволяющий на данной основе вести поиск оказавшихся в подобной ситуации.

Финальное явление одиночества человека как живого существа – смерть. Он остается один на один с самой большой проблемой своего существования, неразрешимость которой он испытывает на протяжении всей жизни. В этой ситуации никто не может ему помочь: ни родные, ни друзья, ни общественные организации. Условности, социальная игра окончились. Ощущение тотальной опасности возвращает к насущным ценностям. (Л.Н.Толстой замечательно описал данный феномен в повести «Смерть Ивана Ильича»). Религиозная традиция убеждает, что наличие веры, восприятие себя частью единой церкви способствует преодолению экзистенциального страха. Верующий уповает на милость Божью, вечную жизнь души, тот мир для него привлекательнее, чем этот. Атеизм и неверие, официозность церкви, формальные связи ее членов лишают индивида последней возможности обрести опору в заключительном противостоянии с миром. Телесная природа напугана, духовная демонстрирует несостоятельность, и человек ощущает максимальное, сверхконцентрированное одиночество, не оставляющее его при жизни и провожающее в мир иной.

Э. Фромм, анализируя создавшуюся ситуацию, рассматривая причины, которые усиливают чувство одиночества и отмечает способы обретения общности. Этому вопросу он целиком посвящает работу «Искусство любить. Исследование природы любви». Осознание своей отдельности (половой, социальной, интеллектуальной, национальной, религиозной, расовой) преодолевается любовью, чувством нераздельности с другим. Мировое искусство сделало эту тему заглавной, утвердило мнение, что нет ничего более важного и существенного в человеческой жизни. Поиск своей «второй половины» занимает умы миллионов. Личностный успех ассоциируется с реализацией именно этой сферы бытия. Но XX век развивается по своим законам и стремится унифицировать мир: «Едва ли стоит удивляться, что в обществе, где превалирует прагматическая ориентация и где материальный мир представляет основную ценность, «человеческие и любовные отношения следуют законам рынка» [4, с. 19]. В случае, если индивид не чувствует в себе должной потребительской стоимости или его цена в глазах окружающих невелика и подвержена инфляции, то закономерным шагом является уход с торгов. Покупатели и продавцы не договорились. Личные ценности остаются востребованными только для внутреннего употребления и взаимосвязь с окружающими, противоположным полом становится недостижимой целью. Постоянный подсчет своих дивидендов ограничивает поле самоидентификации, круг общения, эмоциональные порывы. Сужая личное предъявление, человек отдаляется от себя подлинного, принимает чуждые социальные роли и выбирает одиночество как выход из создавшегося тупика. Физическая близость не тождественна духовной, этот примитивный вариант обладания удовлетворяет внешнюю оболочку человека. Он может предавать своего партнера, гордиться, восхищаться, но не чувствовать единения. Торг носит виртуальный характер. Скрытность, утаивание не позволяют достичь искренности, возникает феномен «непрозрачности» другого. Ракурс экспонирования выбирает сам индивид, оставляя негативную совокупность в себе, чтобы другой-другая не узнали о промахах, ошибках, неудачах и не снизили рыночную оценку партнера.

Обладание вещами компенсирует одиночество. Окружение себя предметами, их выбор, покупка создают иллюзию вхождения в мир. Вещи не содержат проблем, не диктуют свою волю, не пытаются изменить сущность человека (когда они перестают устраивать хозяина, их с легкостью заменяют). Более сложный момент возникает, когда с ними устанавливается экзистенциальная связь. Ощущение комфорта, довольство дизайном создают эффект беспроблемности, нацеливает на новые приобретения. Неслучайно, психоаналитики советуют своим клиентам заниматься покупками во время стрессовых ситуаций. Наполнение вещами красивыми, но ненужными, отвлекает человека, развлекает его, создает цели будущего потребления. Эмоциональная составляющая переключается, предметы становятся «зеркалом успешности», повышают самооценку, создают атмосферу благополучия и легкости бытия.

Классифицируя формы самореализации, Э.Фромм отмечает, что садизм и мазохизм можно определять не только как психопатологические состояния, но желание личности позиционировать себя обществу в определенном контексте. Властвуя и заявляя себя жертвой, человек заставляет реагировать

на себя, свои проявления. Это, своего рода, провокация, позволяющая избавиться от страха, зависимости, давления. Вынужденное поклонение со стороны окружающих заменяет ему нормальное отношение к его персоне, возвышает в собственных глазах. Право на управление другими связывает с данной общностью. «При мазохизме индивид побуждается к действию невыносимым чувством одиночества и ничтожности. Он пытается преодолеть это чувство, отказываясь от своего «я» (в психологическом смысле), для этого он принижает себя, страдает, доводит до крайнего ничтожества» [1, с. 134]. Подавляя другого и давая другим подавить свою личность, человеком обретается уверенность в существовании, реальное чувство жизни. Манипуляции с сознанием есть следствие разрыва с природой и естественностью бытия. Конструирование иной человеческой сущности направлено на выход из конфликта с самим собой. Окружение служит этим целям, часто не догадываясь о своем влиянии на жизнь и судьбу другого человека. Стыд и вина могут быть последствиями прагматического отношения к

людям. Человек впадает в авторитаризм, но власть и сопутствующие ей атрибуты делают личность еще более одинокой, отдаляя окружающих, заставляя подозревать их в корысти, лицемерии, продажности. Вакуум вокруг правящей персоны возрастает, результатом становится хронический страх и подозрительность.

Самопознанию в современной цивилизации отведена вторичная роль в сравнении с внешними предъявлениями, деятельностью, направленной на социальный и материальный успех. Человек боится понимать себя, свои подлинные потребности и надежды. Э. Фромм уверен, что понимание себя ведет к пониманию других, устраняет препятствия к восприятию другого, его реальных качеств. «Я», «ты», «мы» – круг, который может функционировать, стать для человека пространством обретения счастья и радости. Цель проста и понятна: быть ближе, чувствовать другого, воспринимать его как самоценную личность. Если индивиду удастся в какой-то мере ограничить проявления эгоизма, подавить страхи, отказаться от использования других в собственных целях, то для него возвращается возможность возрождения своей собственной личности и, как следствие, возвращение его к человеческому общению и пониманию, к полноценному взаимодействию. Угроза войны, глобальных катастроф, терроризма могут стать импульсом к изменению сознания. Внутренняя дисциплина, обдуманное усилие должны помочь людям стать ближе друг к другу, «... человек может и должен общаться, несмотря на очевидные трудности, дистанции и барьеры» [5, с. 163].

Библиографический список

1. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. — М.: Прогресс, 1990. — 269 с.
2. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. — М.: Прогресс, 1990. — 330 с.
3. Фромм Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. — М.: Республика, 1993. — 412 с.
4. Фромм Э. Искусство любить. Исследование природы любви / Э. Фромм. — М.: Педагогика, 1990. — 158 с.
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. — М.: Республика, 1994. — 445 с.

Поступила в редакцию 25.10.2007 г.